

К.М. Станюкович

**Вокруг света на
"Коршуне"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
С75

С75 **Станюкович К.М.**
Вокруг света на "Коршуне" / К.М. Станюкович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 270 с.

ISBN 978-5-4241-1430-4

Из Кронштадта выходит в дальний вояж, в кругосветное плавание, корвет «Коршун». На его пути моря – Балтийское, Северное, Китайские, Японские и другие; океаны – Атлантический, Индийский, Тихий; крупные западноевропейские города, далее Мадейра, острова Зеленого мыса, Батавия, Гонконг, Сан-Франциско, Гонолулу. Так среди морей и океанов, совершает свое плавание корвет «Коршун», как бы маленькая живая клетка России. На корабле – небольшой отряд моряков, несущих в дальние заморские края весть о России.

Не как враг, а как друг пристает к чужим берегам этот корабль, о плавании которого рассказал в своей повести «Вокруг света на "Коршуне"» Константин Михайлович Станюкович (1843—1903), выдающийся русский писатель-патриот.

ISBN 978-5-4241-1430-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© К.М. Станюкович, 2022

Часть первая

Глава первая НЕОЖИДАННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

I

В один сумрачный ненастный день, в начале октября 186* года, в гардемаринскую роту морского кадетского корпуса неожиданно вошел директор, старый, необыкновенно простой и добродушный адмирал, которого кадеты нисколько не боялись, хотя он и любил иногда прикинуться строгим и сердито хмурил густые, нависшие и седые свои брови, жуя какого-нибудь отчаянного шалуна. Но добрый взгляд маленьких выцветших глаз выдавал старика, и он никого не пугал.

Семеня разбитыми ногами, директор, в сопровождении поспешившего его встретить дежурного офицера, прошел в залу старшего, выпускного класса и, поздоровавшись с воспитанниками, ставшими во фронт, подошел к одному коротко остриженному белокурому юнцу с свежим отливавшим здоровым румянцем, жизнерадостным лицом, на котором, словно угольки, сверкали бойкие и живые карие глаза, и приветливо проговорил:

- Тебя-то мне и нужно, Ашанин.
- Что прикажете, ваше превосходительство?
- Ничего не прикажу, братец, а поздравлю. Очень рад за тебя, очень рад...

Молодой человек недоумевал: с чем поздравляет его директор и чему радуется?

Директор шутливо погрозил длинным костятым пальцем.

- Да ты что прикидываешься, хитрец, будто ничего не знаешь, а? Я вот сейчас получил бумагу. По приказанию высшего морского начальства, ты назначен на корвет "Коршун" в кругосветное плавание на три года. Через две недели корвет уходит. Ну, что, доволен? Кто это за тебя хлопотал, что тебя назначили раньше окончания курса? Редкий пример...

Юноша был более изумлен, чем обрадован, и в первую минуту решительно не мог сообразить, кто это ему устроил такой сюрприз. Сам он и не думал о кругосветном плавании. Напротив, он мечтал после выпуска из корпуса поступить в университет и бросить морскую службу, не особенно манившую его. Два летних плавания в Финском заливе, которые он сделал, казались ему неинтересными и не приохотили к морю. О своих планах он недавно говорил с матерью, и она, добрая, славная, обожавшая своего сына, не препятствовала. Хотя покойный отец и был моряком, но пусть Володя поступает, как хочет...

И вдруг - здравствуйте! - все мечты его разбиты, вся жизнь изменена. Он должен идти в кругосветное плавание.

Юное самолюбие не позволило сознаться, что его посылают помимо его желания, и потому Ашанин, оправившись после первой минуты изумления, поспешил ответить директору, что он "доволен, очень доволен", но что не знает, кто за него хлопотал.

- Верно, дядя твой, почтеннейший Яков Иванович! - промолвил директор.
- "Господи! Как это он не догадался в первую же минуту!" - мелькнуло в голо-

ве молодого человека.

Разумеется, это дядюшка-адмирал, этот старый чудак и завзятый морской волк, отчаянный деспот и крикун и в то же время безграницный добряк, живший одиноким холостяком вместе с таким же, как он, стариком Лаврентьевым, отставным матросом, в трех маленьких комнатах на Васильевском острове, сиявших тем блеском и той безукоризненной чистотой, какие бывают только на военном корабле, - разумеется, это он удрожил племяннику... Недаром он непременно хотел сделать из него моряка.

"Ах, дядюшка!" - мысленно произнес Ашанин далеко не ласково.

- Вероятно, дядюшка, ваше превосходительство! - отвечал юноша директору.

- Ну, братец, через три дня ты должен быть в Кронштадте и явиться на корвет! - продолжал директор. - А теперь иди скорее домой, проведи эти дни с матушкой. Ведь на три года расстанетесь... Верно, командир корвета тебя еще отпустит... А мы тебя, молодца, снарядим. Тебе дадут все, что следует, - и платья и белья казенного, целый сундук увезешь... А как произведут в гардемарину¹, сам обмундируешься... Ну, пока до свидания. Смотри, зайди проститься со своим директором... Ты хоть и большой был "шкода", и мы с тобой, случалось, ссорились, а все-таки, надеюсь, ты не вспомнишь старика лихом! - прибавил с чувством директор, улыбаясь своей ласковой улыбкой.

С этими словами он ушел.

Многие товарищи поздравляли Ашанина и называли счастливцем. На целые шесть месяцев раньше их он вырывался на свободу. Где только не побывает? Каких стран не увидит! И, главное, не будет его более зудить "лукавый царедворец", как называли кадеты своего ротного командира, обращавшего особенное и едва ли не преимущественное внимание на внешнюю выпрявку и хорошие манеры будущих моряков. Отличавшийся необыкновенной любезностью обращения - хотя далеко не мягкий человек - и вкрадчивостью, он за это давно уже получил почему-то прозвище "лукавого царедворца" и не пользовался расположением кадет.

Через четверть часа наш "счастливец поневоле", переодевшись в парадную форму, уже летел во весь дух в подбитой ветром шинельке и с неуклюжим кивером на голове на Английский проспект, где в небольшой уютной квартирке третьего этажа жили самые дорогие для него на свете существа: мать, старшая сестра Маруся, брат Костя, четырнадцатилетний гимназист, и ветхая старушка няня Матрена с большим носом и крупной бородавкой на морщинистой и старчески румяной щеке.

Ах, сколько раз потом в плавании, особенно в непогоды и штормы, когда корвет, словно щепку, бросало на рассвирепевшем седом океане, палуба убегала из-под ног, и грозные волны перекатывались через бак², готовые смыть неосторожного моряка, вспоминал молодой человек с какой-то особенной жгучей тоской всех своих близких, которые были так далеко-далеко. Как часто в такие минуты он мысленно переносился в эту теплую, освещенную мягким светом висячей лампы, уютную, хорошо знакомую ему столовую с большими старинными часами на стене, с несколькими гравюрами и старым дубовым буфетом, где все в сборе за круглым столом, на котором поет свою песенку большой пузатый самовар, и, верно, вспоминают своего родного странника по морям. И все

спокойно сидят на неподвижных стульях, а если и встанут, то пойдут по-человечески, по ровному, неподвижному полу, не боясь растянуться со всех ног и не выделявая ногами разных гимнастических движений для сохранения равновесия. Комната не кружится, ничто в ней не качается и ничто в ней не "принайтовлено"³. Окна большие, а не маленький, наглоухо задраенный (закрытый) иллюминатор⁴, обмываемый пенистой волной. Как хорошо в этой столовой и как неудержимо хотелось в такие минуты "трепки" очутиться там!

II

Когда Володя пришел домой, все домашние были в гостиной.

Мать его, высокая и полная женщина, почти старушка, с нежным и кротким лицом, сохранившим еще следы былой красоты, в сбившемся, по обыкновению, чуть-чуть набок черном кружевном чепце, прикрывавшем темные, начинавшие серебриться волосы, как-то особенно горячо и порывисто обняла сына после того, как он поцеловал эту милую белую руку с красивыми длинными пальцами, на одном из которых блестели два обручальных кольца. Она, видимо, была расстроена, и ее большие бархатистые черные глаза были красны от слез. Хорошенькая Маруся, брюнетка лет двадцати, с роскошными косами, обыкновенно веселая и светлая, как вешнее утро, была сегодня грустна и задумчива. Костя, долговязый и неуклюжий подросток в гимназической куртке, с торчащими вихрами, глядел на брата с каким-то боязливым почтением и в то же время с грустью. А старая няня Матрена, уже успевшая обнять и пожалеть своего любимца в прихожей, стояла у дверей простоволосая, понуряя и печальная, с любовно устремленными на Володю маленькими слезящимися глазами.

Одно только лицо в гостиной совсем не имело скорбного вида - напротив, скорее веселый и довольный.

Это был дядюшка-адмирал, старший брат покойного Ашанина, верный друг и пестун, и главная поддержка семьи брата - маленький, низенький, совсем сухонький старичок с гладко выбритым морщинистым лицом, коротко остриженными усами щетинкой и небольшими, необыкновенно еще живыми и пронзительными глазами, глубоко сидящими в своих впадинах. Его остроконечная голова, схожая с грушей, казалась еще остree от старинной прически, которую он носил в виде возвышавшегося, словно петуший гребешок, кока над большим открытым лбом. Он был в стареньком, потертом, но замечательно опрятном сюртуке, застегнутом, по тогдашней форме, на все пуговицы, - с двумя черными двуглавыми орлами⁵, вышитыми на золотых погонах. Большой крест Георгия третьей степени, полученный за Севастополь, белел на шее, другой - Георгий четвертой степени, маленький, за восемнадцать морских кампаний - в петлице.

Заложив обе руки назад и несколько горбя, по привычке моряков, спину, он ходил взад и вперед по гостиной легкой и быстрой походкой, удивительной в этом 65-летнем старике. Во всей его сухой и подвижной фигуре чувствовались живучесть, энергия и нетерпеливость сангвинической натуры. Он по временам бросал быстрые взгляды на присутствующих и, казалось, не обращал особенного внимания на их подавленный вид.

- Вы, конечно, уже знаете, мамаша, о моем назначении?.. Я просто изумлен!
- взволнованно проговорил Володя.

- Сейчас Яков Иванович мне сказал. И так это неожиданно... И так скоро

уходит корвет! - грустно проговорила мать, и слезы брызнули из глаз.

Володя направился поздороваться с дядей, который дарил всегда особенным ласковым вниманием своего любимца и крестника.

Маленький адмирал круто остановился, стиснул руку племянника и, притянув его к себе, поцеловал.

- Это вы, дядя, устроили мне такой сюрприз?

- А то кто же? Конечно, я! - весело отвечал старик, видимо любуясь своим племянником, очень походившим на покойного любимого брата адмирала. Третьего дня встретился с управляющим морским министерством, узнал, что "Коршун" идет в дальний вояж^б, и попросил... Хоть и не люблю я за родных просить, а за тебя попросил... Да... Спасибо министру, уважил просьбу. И ты, конечно, рад, Володя?

- Признаться, совсем даже не рад, дядя.

- Что?! Как? Да ты в своем ли уме?! - почти крикнул адмирал, отступая от Володи и взглядывая на него своими внезапно загоревшимися глазами, как на человека, действительно лишившегося рассудка. - Тебе выпало редкое счастье поплавать смолоду в океанах, сделаться дельным и бравым офицером и повидать свет, а ты не рад... Дядя за него хлопотал, а он... Не ожидал я этого, Володя... Не ожидал... Что же ты хочешь сухопутным моряком быть, что ли?.. У маменьки под юбкой все сидеть? - презрительно кидал он.

- Да вы не сердитесь, дядя... Позвольте сказать...

- Что еще говорить больше?.. Уж ты довольно разодолжил. Срам! Покорно благодарю!..

С этими словами адмирал низко поклонился и даже шаркнул своей маленькой ножкой и тотчас продолжал:

- А я-то, старый дурак, думал, что у моего племянника в голове кое-что есть, что он, как следует, молодчина, на своего отца будет похож, а он... скажите, пожалуйста!.. "Совсем даже не рад!"... Чему ж вы были бы рады-с? Что же вы молчите-с?.. Извольте объяснить-с, почему вы не рады-с? горячился и кричал старик, переходя на "вы" и уснащая свою речь частицами "с", что было признаком его неудовольствия.

- Да вы не даете мне слова сказать, дядя.

- Я слушаю... извольте говорить-с.

- Я, видите ли, дядя... Я, собственно говоря...

И Володя, несколько смущенный при мысли, что то, что он скажет, совсем огорчит дядю и, пожалуй, огорчит еще более, невольно замялся.

- Ну, что же... Я пока ничего не вижу... Не мямли! - нетерпеливо сказал маленький адмирал.

- Я имел намерение после выхода из корпуса поступить в университет и...

- Потом сделаться чиновником... строчить бумаги?.. Чернильной душой быть, а? - перебил дядя-адмирал, казалось, вовсе не огороженный словами племянника и даже не вспыливший еще сильнее при этом известии, а только принявший иронический тон. - То-то сейчас Мария Петровна говорила... Володя не любит моря, Володя хочет в университет, а потом строулистом... Ай да карьера! Или, может быть, министром собираешься быть?.. Каким ведомством полагаете управлять, ваше превосходительство? - насмешливо обратился старик к Володе.

И, снова меняя тон, адмирал продолжал:

- Вздор... Глупости... Блажь! Я не хочу и слышать, чтобы ты был чиновником... и не слыхал, ничего не слыхал... Ты будешь моряком. И твой покойный отец этого хотел, и я этого желаю... слышишь? Ты полюбишь море и полюбишь морскую службу... она благородная, хорошая служба, а моряки прямой честный народ... Этих разных там береговых "финтифантов" да дипломатических тонкостей не знают... С морем нельзя, брат, криводушничать... К нему не подольстишься... Это все на берегу учатся этим пакостям, а в океане надо иметь смелую душу и чистую совесть... Тогда и смерть не страшна... Какой ты строкулист? Ты и теперь настоящий моряк, а вернешься таким лихим мичманом, что чудо... И чего только не увидишь?.. Ну, довольно об этом... Через две недели мы тебя все проводим... не так ли?

- Как же иначе, дядя? - отвечал Володя, задетый за живое словами дяди и уже соблазненный кругосветным плаванием.

- И ты не будешь трусить?.. Бабой не станешь? Не осрамишь дядю?

- Надеюсь, ни себя, ни вас, - отвечал, весь вспыхивая, юноша.

- Ишь загорелся!.. Ишь стали отцовские глаза! Эх ты, славный и смелый мальчик! - дрогнувшим голосом проговорил адмирал и, сразу смягчившийся и повеселевший, быстрым движением руки привлек к себе Володю, горячо обнял его и так же быстро оттолкнул, словно бы стыдясь при всех обнаруживать ласку.

Вслед за тем старик подошел к Марии Петровне и проговорил с глубокой нежностью:

- А вы, родная, не предавайтесь горю... И ты, дикая козочка, что носик опустила? - кинул он Марусе. - Три года пролетят незаметно, и наш молоцет вернется... А в это время он нам длинные письма посыпать будет... Не правда ли, Володя?

- Еще бы!

- А мы сперва прочтем каждый в одиночку, а потом вечером за чаем вместе... Вы думаете, и мне, старику, не жаль расставаться с ним? - прибавил он, понижая голос, - еще как жаль-то! Но я утешаю себя тем, что моряку плавать надо, и ему, нашему востроглазому, это на пользу.

- Я... что ж... Я постараюсь не горевать... Только ему было бы, голубчику, хорошо... Очень уж скоро расставаться... Надеюсь, эти-то две недели он с нами пробудет? - спрашивала мать.

Адмирал успокоил ее. Наверное, командир отпустит Володю до ухода. Что ему делать на корвете? мешать разве?.. Там теперь спешат... порют горячку...

- То-то... Надо успеть кое-что приготовить ему... Произведут его ведь там, далеко где-нибудь... а казенные вещи...

- Уж это позвольте мне взять на себя, Мария Петровна, - деликатно остановил ее адмирал. - Это наше мужское дело... Не беспокойтесь... Все выпускное приданое сделаем... ничего не забудем... и теплое пальто сошьем... казенные пальтишки легонькие, а ночи-то в море на севере холодные, а вахты длинные. И штатское платье закажем... Ну, и деньжонками снабдим молодца... До производства жалованья ему не полагается, одни порционные, так не мешает иметь свои, чтоб повидать города, да в Лондон или Париж съездить. Это полезно для молодого человека...

- Экий вы, Яков Иванович... заботливый! - благодарно промолвила мать.

- О ком же и заботиться, как не о своих! Не о себе же! - усмехнулся он. - А ты, Володя, завтра-то пораньше ко мне забеги... Вместе просмотрим реестрик, какой я составил... Может, что и пропустил, так ты скажешь... Кстати, и часы золотые взьмешь... я их приготовил к производству, а приходится раньше отдавать...

- Благодарю вас, дядя.

- Ну, ну! - сердито замахал стариk рукой. - Не благодари. Ты знаешь, я этого не люблю!

III

Через три дня Володя, совсем уже примирившийся с назначением и даже довольный предстоящим плаванием, с первым утренним пароходом отправился в Кронштадт, чтобы явиться на корвет и узнать, когда надо окончательно перебраться и начать службу. Вместе с тем ему, признаться, хотелось поскорее познакомиться с командиром и старшим офицером - этими двумя главными своими начальниками - и увидеть корвет, на котором предстояло прожить три года, и свое будущее помещение на нем.

Еще не совсем готовый к выходу в море, "Коршун" стоял не на рейде, а в военной гавани, ошвартовленный⁷, у стенки, у "Купеческих ворот", соединяющих гавань с малым кронштадтским рейдом.

Володя, еще на пароходе узнавший, где стоит "Коршун", поехал к гавани и по стенке дошел скоро к корвету.

Это было небольшое, стройное и изящное судно 240 футов длины и 35 футов ширины в своей середине, с машиной в 450 сил, с красивыми линиями круглой, подбористой кормы и острого водореза и с тремя высокими, чуть-чуть наклоненными назад мачтами, из которых две передние - фок- и грот-мачты были с реями⁸ и могли носить громадную парусность, а задняя - бизань-мачта была, как выражаются моряки, "голая", то есть без рея, и на ней могли ставить только косые паруса. Десять орудий, по пяти на каждом борту, большое бомбическое орудие на носу и две медные пушки на корме представляли боевую силу корвета.

На нем уходила в кругосветное плавание горсточка моряков, составлявших его экипаж: капитан, его помощник - старший офицер, двенадцать офицеров, восемь гардемаринов и штурманских кондукторов, врач, священник, кадет Володя и 130 низких чинов - всего 155 человек.

На корвете заканчивали последние работы и приемку разных принадлежностей снабжения, и палуба его далеко не была в том блестящем порядке и в той идеальной чистоте, которыми обыкновенно щеголяют военные суда на рейдах и в плавании.

Совсем напротив!

Загроможденная, с валявшимися щепой и стружками, с не прибранными как следует снастями, с брошенными где попало инструментами и бушлатами портовых мастеровых - плотников, слесарей, конопатчиков и маляров, она имела вид хаотического беспорядка, обычного при спешном снаряжении судна.

Везде - и наверху и внизу - кипела работа. Повсюду раздавался стук топоров и молотков, визг пил и рубанков, лязг и грохот. По временам, при подъеме тяжестей, затягивалась "дубинушка". Рабочие из порта в своих грязных парусиновых голландках доделывали и исправляли, переделывали, строгали, рубили и пилили.

Тут конопатили палубу, заливая пазы горячей смолой, и исправляли плохо пригнанный люк, там, внизу, ломали каютную переборку, красили борты, притачивали что-нибудь к машине.

Корветские матросы в синих засмоленных рубахах таскали разные вещи и спускали их в люки, сплеснивали⁹ веревки, поднимали на талях¹⁰ (толстых веревках) тяжести, а марсовые, рассыпавшись по марсам¹¹ или сидя верхом на ряях, прилаживали снасти и блочки, мурлыкая по обыкновению какую-нибудь песенку. Смолили ванты¹², разбирали бухты¹³ веревок, а двое малых, подвешенные на беседках¹⁴, красили толстую горластую дымовую трубу. Везде приятно пахло смолой.

Среди всех этих рабочих голландок и матросских рубах мелькали озабоченные и возбужденные лица нескольких офицеров в коротких бушлатах (пальто). Они появлялись то тут, то там и поторапливали.

Еще бы! Надо поскорее кончать и уходить. И то октябрь на дворе!

Володя стоял минут пять, в стороне от широкой сходни, чтобы не мешать матросам, то и дело проносящим тяжелые вещи, и посматривал на кипучую работу, любовался рангоутом и все более и более становился доволен, что идет в море, и уж мечтал о том, как он сам будет капитаном такого же красавца-корвета.

Никто не обращал на него никакого внимания.

Только один пожилой рябоватый матрос с медной сережкой в ухе, проходя мимо Володи, приостановился и, слегка приподнимая фуражку своей жилистой, просмоленной рукой, проговорил мягким, приятным баском:

- Любопытно, барин, посмотреть, как матросики стараются? Небось, скоро справим "конверт"¹⁵. Мы ведь в дальнюю¹⁶... Я, барин, во второй раз иду...

- И я на корвете иду! - поспешил сказать Володя, сразу почувствовавший симпатию к этому низенькому и коренастому, черноволосому матросу с серьгой. Было что-то располагающее и в веселом и добродушном взгляде его небольших глаз, и в интонации его голоса, и в выражении его некрасивого рябого краснобурого лица.

- Вместе, значит, служить будем, баринок. А пока - счастливо оставаться!

- Что, капитан на корвете? - остановил матроса Володя.

- А то как же?! Он цельный день на "конверте"... Старается.

- А тебя, брат, как звать?

- Михаилом Бастрюковым люди зовут, барин! - отвечал, улыбаясь широкой ласковой улыбкой, матрос и вприпрыжку побежал на сходню.

Оттуда он еще раз оглянулся на Володю и все с тем же ласковым и веселым выражением.

Володя двинулся на сходню и вошел на корвет, разыскивая глазами вахтенного¹⁷ офицера.

На мостице¹⁸ его не было.

Наконец, заметив молодого лейтенанта¹⁹, показавшегося из-за грат-мачты, он подошел к нему и, вытягиваясь во фронт и отдавая по форме честь, спросил:

- Можна ли видеть капитана?

- Отпустите руку, пожалуйста, и стойте вольно. Я не корпусная крыса! проговорил смеясь лейтенант и в ответ не приложил руки к козырьку, а, по обычаю моряков, снял фуражку и раскланялся. - Капитан только что был наверху. Он,

верно, у себя в каюте! Идите туда! - любезно сказал моряк.

Володя поблагодарил и, осторожно ступая между работающими людьми, с некоторым волнением спускался по широкому, обитому kleenкой трапу, занятый мыслями о том, каков капитан - сердитый или добрый. В это лето, во время плавания на корабле "Ростислав", он служил со "свирепым" капитаном и часто видел те ужасные сцены телесных наказаний, которые произвели неизгладимое впечатление на возмущенную молодую душу и были едва ли не главной причиной явившегося нерасположения к морской службе.

Каков-то этот?

У входа в капитанскую каюту он увидел вестового, который в растворенной маленькой буфетной развесивал по гнездам рюмки и стаканы разных сортов.

- Послушай, братец...

- Есть! - почти выкрикнул молодой чернявый матрос, оборачиваясь и глядя вопросительно на Володю.

- Доложи капитану, что я прошу позволения его видеть.

- У нас, господин...

Чернявый вестовой запнулся, видимо затрудняясь, как величать кадета. Он не "ваше благородие" - это было очевидно, однако из господ.

- У нас, барин, - продолжал он, разрешив этим названием свое минутное сомнение, - без доклада. Прямо идите к нему...

- А все-таки...

- Да вы не сумлевайтесь... Он простой... Он всякого примает...

Володя невольно улыбнулся и вошел в большую, светлую капитанскую каюту, освещенную большим люком сверху, роскошно отделанную щитками из нежно-палевой карельской березы.

Клеенка во весь пол, большой диван и перед ним круглый стол, несколько кресел и стульев, ящики, где хранятся карты, ящики с хронометрами и денежный железный сундук - таково было убранство большой каюты. Все былоочно, солидно и устойчиво и могло выдерживать качку.

По обе стороны переборок²⁰ были двери, которые вели в маленькие каюты кабинет, спальню и ванную. Дверь против входа вела в офицерскую кают-компанию.

В большой каюте капитана не было. Володя постоял несколько мгновений и кашлянул.

В ту же минуту сбоку вышел среднего роста, сухощавый господин лет тридцати пяти, в коротком пальто с капитан-лейтенантскими погонами, с бледноватым лицом, окаймленным небольшими бакенбардами, с зачесанными вперед, как тогда носили, висками темно-русых волос и с шелковистыми усами, прикрывавшими крупные губы. Из-под воротника пальто белели стоячие воротнички рубашки.

- Честь имею явиться...

- Ашанин? - спросил капитан низковатым, с приятной хрипотой голосом и, протянув свою широкую мягкую руку, крепко пожал руку Володи; в его серье-зном, в первое мгновение казавшемся холодном лице засветилось что-то доброе и ласковое.

- Точно так, Владимир Ашанин! - громко, сердечно и почему-то весело отвечал Володя и сразу почувствовал себя как-то просто и легко, не чувствуя нико-

кого страха и волнения, как только встретил этот спокойно-серъезный, вдумчивый и в то же время необыкновенно мягкий, проникновенный взгляд больших серых глаз капитана.

И этот взгляд, и голос, тихий и приветливый, и улыбка, и какая-то чарующая простота и скромность, которыми, казалось, дышала вся его фигура, все это, столь не похожее на то, что юноша видел в двух командах, с которыми плавал два лета, произвело на него обаятельное впечатление, и он восторженно решил, что капитан "прелесть".

- Очень рад познакомиться и служить вместе... Явитесь к старшему офицеру. Он вам укажет ваше будущее помещение.

- Когда прикажете перебираться?..

- Можете пробыть дней десять дома. У вас есть в Петербурге родные?

- Как же: мама, сестра, брат и дядя! - перечислил Володя.

- Ну вот, видите ли, вам, разумеется, приятно будет провести с ними эти дни, а здесь вам пока нечего делать... Я рассчитываю уйти двадцатого... К вечеру девятнадцатого будьте на корвете.

- Слушаю-с!..

- Так до свидания...

Володя ушел от капитана, почти влюбленный в него, - эту влюбленность он сохранил потом навсегда - и пошел разыскивать старшего офицера. Но найти его было не так-то легко. Долго ходил он по корвету, пока, наконец, не увидел на кубрике²¹ маленького, широкоплечего и плотного брюнета с несоразмерно большим туловищем на маленьких ногах, напоминавшего Володе фигурку Черномора в "Руслане", с заросшим волосами лицом и длинными усами.

Хлопотавший и носившийся по корвету с четырех часов утра, несколько ошалевший от бесчисленных забот по должности старшего офицера - этого главного наблюдателя судна и, так сказать, его "хозяйского глаза" - он, видимо чем-то недовольный, отдавал приказания подшкиперу²² и боцману²³ своим крикливым раздраженным тенорком, сильно при этом жестикулируя волосистой рукой с золотым перстнем на указательном пальце.

Володя остановился в нескольких шагах, выжидая удобного момента, чтобы подойти и представиться.

Но едва только старший офицер окончил, как бросился, точно угорелый, к трапу, ведущему наверх.

- Честь имею...

Напрасно!.. Старший офицер ничего не слыхал, и его маленькая, подвижная фигурка уже была на верхней палубе и в сбитой на затылок фуражке неслась к юту²⁴.

Володя почти бежал вслед за нею, наконец настиг и проговорил:

- Честь имею явиться...

Старший офицер остановился и посмотрел на Володю недовольным взглядом занятого по горло человека, которого неожиданно оторвали от дела.

- Назначен на корвет "Коршун"...

- И зачем вы так рано явились?.. Видите, какая у нас тут спешка? ворчливо говорил старший офицер и вдруг крикнул: - Ты куда это со смолой лезешь?.. Только запачкай мне борт! - и бросился в сторону.

- Тут, батенька, голова пойдет кругом!.. - заметил он, возвращаясь через ми-